

Хотя они держали нехватку припасов в секрете, солдаты неизбежно начали перешептываться, когда увидели, что рис превратился в прозрачную кашу, булочки на пару стали немного меньше, а дров, заготовленных на ночь для обогрева, не хватило до рассвета. Это было особенно заметно для ветеранов, которые были на северо-западе в прошлом году. Они и раньше испытывали нехватку еды и выходили на поле боя голодными. Даже если они не боялись смерти, но не хотели умирать слишком обиженными. По крайней мере, они не могут умереть от рук врагов, неспособные выложиться по полной, потому что им не хватало еды.

Среди генералов у Ши Пэя были лучшие отношения с простыми солдатами. Кто-то спросил его, неужели у них снова заканчивается провизия. Ши Пэй мог только произнести заранее подготовленное заявление: «Все, расслабьтесь. У нас более чем достаточно еды и фуража, но погода становится все холоднее и холоднее. Генерал обеспокоен тем, что мы окажемся в той же ситуации, что и в прошлом году. Дороги могут быть перекрыты сильным снегопадом, что может помешать доставке грузов. Поэтому мы решили подготовиться к любым непредвиденным обстоятельствам и начать экономить запасы».

Однако такое оправдание можно использовать только один или два раза. Если говорить об этом слишком часто, солдаты будут жаловаться еще больше.

«Поскольку еды достаточно, почему бы не вынести ее? Двухразового приема этой водянистой безвкусной пищи едва хватает, чтобы заполнить промежутки между зубами! Как мы должны тренироваться, когда у нас недостаточно еды!»

«И ночью так чертовски холодно. Полночи простояв на посту, я заморозил лицо и все остальное тоже».

«Не говори о людях, если так будет продолжаться, даже лошади не смогут двигаться».

...

Видя, что боевой дух армии все больше ослабевает, У Ююань не мог усидеть на месте. «Если мы и дальше будем так тратить припасы, мы уничтожим самих себя! В древние времена войскам доставляли припасов, которых хватало только на три дня! Если им было недостаточно, они сражались. Если они выиграли, то разграбили припасы врага; если проиграли, это все равно лучше, чем умереть с голоду! У нас достаточно припасов больше, чем на три дня, почему мы не можем сражаться!»

В палатке горела только одна маленькая жаровня с дровами, и единственным местом, где можно согреться, была область, непосредственно прилегающая к ней. Гу Фучжоу сидел рядом с жаровней долгое время, и только его руки согрелись, его броня все еще была холодной как лед. Он подпер подбородок ладонью, слова У Ююаня и Ши Пэя, слова, которые они повторяли бесчисленное количество раз за последние несколько дней, хлынули в его уши.

Ши Пэй покачал головой, не соглашаясь: «Молодой генерал У, как вы сами сказали, это было в древние времена. Если вы хотите захватить такой большой город, как Юнлян, вам нужно как

минимум в десять раз больше осаждающих, чем защитников».

«Генерал Ши, вам не кажется, что, учитывая, как долго мы изматываем Западное Ся, их нынешнее положение должно быть хуже нашего. За последние несколько месяцев наша армия отремонтировала укрепления, мы окружили их, отрезав от помощи. Все готово. Если мы продолжим откладывать, дни будут становиться все холоднее и холоднее. Если дороги будут перекрыты сильным снегопадом, как в прошлом году, разве мы не останемся в изоляции?»

«Но, учитывая текущую ситуацию, даже если мы сможем захватить Юнлян, я боюсь, что потери будут неизмеримыми...»

«Не бывает войны без жертв, – в порыве отчаяния У Ююань сказал, не думая: – Генерал Ши слишком боится смерти, трусливо цепляясь за жизнь».

«Ююань, – Гу Фучжоу предупредил: – Следи за своими словами».

У Ююань был удивлен, только тогда он вспомнил, что позади него сидел Гу Фучжоу «Генерал действительно слушал нас?», – спросил он.

Гу Фучжоу посмотрел на него, ответив: «А как иначе?»

«Вы все время молчали. Я думал, вы о чем-то размышляете».

«Обдумывать вопросы, слушая дискуссии, делать две вещи одновременно – важнейший навык для генерала, – Гу Фучжоу подбросил еще дров в огонь: – Только что твои слова были чрезмерно резки. Извинись перед генералом Ши».

Как только У Ююань собрался извиниться, Ши Пэй криво улыбнулся и сказал: «Я действительно боюсь смерти. Но чего я боюсь больше, так это того, что мои братья погибнут напрасно. Будь то генерал или повар, все они сыновья своих родителей. Каждый из них – это живая жизнь...»

У Ююань забыл об извинениях и возразил: «Но если мы не примем эти жертвы сейчас, в будущем может быть еще больше жертв!»

И У Ююань, и Ши Пэй оба не мелочные люди, их связывает дружба испытанная лишениями и опасностью. Ссоры внутри и даже снаружи командной палатки были обычным делом. Пока это не переходило границы, Гу Фучжоу не обращал на них внимания.

Эти двое были в разгаре такого ожесточенного спора, что даже не заметили, когда Гу Фучжоу ушел. В армии было время приема пищи, и перед кухней стояла, казалось бы, бесконечная очередь. Гу Фучжоу остановился за палаткой, чтобы тайно наблюдать. Он увидел, что все получили только миску каши и булочку на пару размером с кулак Линь Цинюя. Этого было

недостаточно, чтобы поесть летом, не говоря уже об этой ледяной и снежной зиме.

Получив свою булочку на пару, один высокий и крепкий солдат, вместо того, чтобы съесть ее, как другие, положил булочку в свою железную кольчугу. Гу Фучжоу подумал, что это немного странно, поэтому тихо последовал за мужчиной. Тот обходил палатку за палаткой, наконец добравшись до конюшни.

Мужчина закричал: «Сяо Линь-цзы!»*

[Примечание: □. Одна из форм обращения, но не скажу, что конкретно она обозначает. Если буквально, то сын, ребенок, младший, молодой. Вместе с Сяо образует что-то уж совсем ласкательное.]

Молодой человек, который кормил одну из лошадей, обернулся с улыбкой на нежном лице.
«Цзян-дагэ!»

Мужчина сунул булочку, которую нес всю дорогу сюда, в руки молодого человека: «Быстро, съешь, пока она горячая».

Молодой человек пристально посмотрел на него: «Нам дают одну булочку на пару на человека. Свою я уже съел. Что ты будешь есть? Вот, возьми».

Мужчина отказался: «Я не голоден, так почему должен есть? Разве я не говорил тебе, что мы с генералом Ши родом из одной деревни. Он заботится обо мне. Я только что съел две мясные булочки, которые он мне дал. Я уже наелся».

«Лжец. Я слышу, как урчит у тебя в животе»

Гу Фучжоу с удовольствием наблюдал за происходящим, как вдруг сзади раздался голос:
«Генерал».

В их лагере не было никого, кто бы обладал такой экстраординарной техникой передвижения, кроме Шэнь Хуайши. Травма Шэнь Хуайши еще не полностью зажила, но он не любил безделье, и как только ему удалось встать с постели, он вышел и делал все, что мог.

Гу Фучжоу не стал беспокоить Сяо Линь-цзы и Цзян-дагэ и тихо ушел с Шэнь Хуайши.

«В чем дело, Сяо Шэнь-цзы?»

Шэнь Хуайши выглядел потеряннм: «У нас есть сообщение от разведчиков. Дорога из Гуанъяна в Юнлян заблокирована сильным снегопадом. Фургоны с припасами не могут проехать. Людям придется нести груз вручную».

Гу Фучжоу оглянулся на двух человек в конюшне. Он слегка усмехнулся и беспомощно сказал: «Какое невезение. Похоже, у меня... действительно нет другого выбора».

Гу Фучжоу явно улыбался, но в груди Шэнь Хуайши необъяснимо сдавило.

«Генерал?»

«Пойдем, - сказал Гу Фучжоу, - посмотрим, закончили ли У Ююань и Ши Пэй спорить».

В палатке все еще продолжался спор. Гу Фучжоу взял сицинь, который привез из столицы. Небрежно потянув за несколько струн, сицинь издал пронзительный звук. Двое, наконец, закрыли рты и посмотрели в сторону Гу Фучжоу.

Тон Гу Фучжоу был таким же, как обычно: «В течение следующих двух дней пусть солдаты наедятся досыта. После этих двух дней соберите войска, чтобы атаковать город».

На лицах У Ююаня и Ши Пэя были совершенно разные выражения. У Ююань был вне себя от радости и поспешно ушел, сказав: «Я сейчас же займусь приготовлениями».

Ши Пэй заколебался, но промолчал. Гу Фучжоу догадался, что он собирался сказать.

«У Ююань прав. Нам неизбежно придется атаковать город. Если это будет продолжаться и дальше, потери будут намного больше».

Ши Пэй сказал серьезным голосом: «Поскольку генерал принял решение, я подчинюсь вашим приказам».

«Не волнуйтесь слишком сильно, - Гу Фучжоу успокоил его: - У меня есть идея. Может быть, я смогу вернуть Юнлян, минимизировав потери».

Глаза Ши Пэя загорелись. «Каков план генерала?»

«Это не какой-то блестящий план. - Гу Фучжоу сказал, продавая кульминацию истории: - Вы узнаете, когда придет время, но я надеюсь, что это не понадобится».

В этот день снег, который шел несколько дней, наконец прекратился. В ясном лунном свете военный лагерь казался такими же, как обычно, но в то же время было немного тише.

Гу Фучжоу лежал в постели, при тусклом свете жаровни читая письма Линь Цинюя в сто восьмой раз. Большая часть писем Цинюя была посвящена ситуации в столице. Иногда приходили ответы на его письменные слова любви.

Он написал Линь Цинюю: «Знаешь ли ты изысканные игральные кости с красной фасолью, как будто тоска по любимому пробирает до костей?»

[Примечание: Это строка из любовного стихотворения. Версия Гу Фучжоу является своего рода жалкой версией, так что оригинал звучит не так. Кости традиционно изготавливаются из кости, поэтому фасоль внутри, как тоска, пробирающая до костей.]

Линь Цинюй ответил ему: «Я знаю. Все в столице довольно стабильно, но Сяо Цзе настолько глуп, что это беспокоит меня».

Он написал в ответ Линь Цинюю: «Тогда замени его... Нет, не то. Лекарь Линь, я ждал твоего ответа в течение месяца, и все, что ты даешь мне в ответ, это «Я знаю»? По крайней мере, ты должен сказать, что скучаешь по мне.

Линь Цинюй ответил ему: «Пока мы не вернем Юнлян, я не хочу предпринимать никаких действий против этих двоих. Я скучаю по тебе».

Он начал плохо себя вести: «По какой части меня ты скучаешь? Что ты хочешь со мной сделать? Ты можешь сказать немного больше, лекарь Линь. Я бы с удовольствием послушал».

Линь Цинюй ответил ему: «Си Жун недоволен нашим контролем. Он постоянно устраивает провокации. Мое терпение на исходе».

Он подавленно ответил: «Почему ты должен с ним мириться? Просто прикончи его. Я не для того оставил тебе так много людей, чтобы они смотрели, как тебя обижают. И детка, ты не ответил на мои нежные слова из последнего письма. Если ты и на этот раз не ответишь, я устрою скандал».

Линь Цинюй: «Я хочу заняться с тобой сексом, теперь ты удовлетворен? Конечно, я терплю его ради тебя и северо-запада. Но Си Жун уже втайне привлек на свою сторону премьер-министра и принца Хэна. Отряд Тяньцзи также находится под его контролем. Боюсь, я не в том положении, чтобы делать первый шаг. Эти два несравнимо тупых дурака».

...

Глядя на прямой и элегантный почерк Линь Цинюя, Гу Фучжоу мог ясно разглядеть этого великолепного красавца, очевидно, очень злого, но вынужденного сохранять самообладание. Без него, как бы ни был расстроен Линь Цинюй, некому было его успокоить и утешить. Он задавался вопросом, насколько жалким и беспомощным был Линь Цинюй. Затем, будучи жалким и беспомощным, он продолжал совершать плохие поступки, делая обидевших его

людей еще более жалкими и беспомощными.

Жаль, что он этого не видел. Какой позор. Если эти отношения на расстоянии продолжатся, его первый поцелуй вернется.

[Примечание: Возможно, он говорит о возвращении во времена их первого поцелуя, невинные и платонические? Если есть мем о возвращении к первому поцелую, то прошу просветить нас.]

«Генерал! – голос У Ююаня предшествовал его появлению. – Я исследовал невиданную ранее совершенно новую формацию! Даже демонический командир Западного Ся не сможет прорваться сквозь этот строй!»

Гу Фучжоу сунул письма под подушку и небрежно сказал: «Это потрясающе. Ты пришел как раз вовремя. Пойдем со мной, и давай полюбуемся луной».

У Ююань не понимая спросил: «В такое время генерал все еще в настроении любоваться луной? Нам предстоит великая битва. Что мы должны делать, так это рассмотреть эти формации».

«Ты слишком нервничаешь, Ююань. Даже если это лунный свет перед великой битвой, мы не должны его опускать, – Гу Фучжоу улыбнулся и вышел из палатки, сел у полога и похлопал по пустому месту рядом с собой: – Иди и сядь, полюбуйся на луну со мной, а потом мы посмотрим на твой строй».

У Ююань уже собирался отказаться, но Гу Фучжоу добавил: «Это приказ».

У Ююань неохотно сел рядом, Гу Фучжоу спросил его: «Чем яркая луна на северо-западе отличается от луны в столице?»

У Ююань поднял глаза: «Разве они не одинаковые?»

Гу Фучжоу покачал головой и вздохнул с улыбкой: «Какой скучный натурал, – он некоторое время спокойно наблюдал за луной, а затем внезапно сказал: – Ююань, если я, к несчастью, попаду в плен...»

У Ююань поспешно перебил: «Генерал, пожалуйста, не говорите таких слов. Вы все спланировали. Наша армия выиграет эту битву!»

«Не нужно так волноваться, – Гу Фучжоу сказал с улыбкой: – Я имею в виду, на всякий случай...»

У Ююань решительно сказал: «Не будет никаких „на всякий случай“».

Когда Чжао Минвэй потерпел поражение в Юнляне и был взят в плен врагом, он взмахнул мечом и без колебаний убил себя. Тех, кто почитал генерала, можно убить, но нельзя унижить. Генерал Гу, должно быть, тоже так думает. Если он когда-нибудь попадет в руки врага, то никогда не даст им возможности унижить его.

Гу Фучжоу неторопливо сказал: «Я просто хочу сказать, что если меня, к сожалению, схватят... Ты должен прийти и спасти меня».

У Ююань ошеломленно воскликнул: «А?»

«Я обещал императорскому лекарю Линю, что не умру. Я написал ему гарантийное письмо, – Гу Фучжоу протянул руку, наблюдая, как чистый свет падает на ладонь, его губы изогнулись в улыбке. – Поэтому, что бы ни случилось, пожалуйста, ты должен найти способ спасти меня... Пожалуйста».

<http://bllate.org/book/15122/1336716>